

諸
出
産
し

近
大
福
片

大
福
片

Восток — Запад

Ксения Семенова

Укиё-э —
«искусство
бренного мира»,
сохраненное навсегда

*О, не думай, что ты из тех,
Кто следа не оставил в мире!
Поминовения день...
Басё*

Э то трехстишие *хокку* было написано японским поэтом в XVII веке, когда только начало возникать искусство японской гравюры *укиё-э*. Как и японская немногословная, но заполненная невероятной концентрацией эмоции и мысли поэзия, искусство *укиё-э* содержит в себе полноту Бытия, заключенную в непрерывности течения жизни и ухода из нее. Минувшее сохраняется в памяти поколений через наследование шедевров искусства и культуры, которые на долгие века переживают и своих создателей, и первых зрителей.

Выставка «Японская гравюра *укиё-э* второй половины XIX века» открылась в начале декабря прошлого года в залах Галереи искусств Зураба Церетели. Проходила она под патронажем Российской академии художеств, Российского комитета XXI века и Российско-японского культурно-просветительного фонда «Ямато». Поднявшись на третий этаж галереи, мы имели возможность воочию убедиться: все, что пишут искусствоведы о японской гравюре, что говорят влюбленные в это искусство люди, что притягивало коллекционеров, известных европейских художников и писателей, и что до сих пор не оставляет равнодушным зрителя с воспитанным эстетическим вкусом, — истинная правда.

Самые первые гравюры появились в Японии еще в эпоху Хэйан (VIII—XI вв.), но тогда это искусство еще не носило светского характера. После того как в конце VI века в Страну восходящего солнца с территории Китая и Кореи

Утагава Тоекуни III. Сцена из истории Нисе Мурасаки Гендзи «Лето. Хикари Гендзи отдыхает на берегу». 1856

проник буддизм и начал активно укореняться на фоне феодального строя, гравюра долгое время оставалась скорее зачатком книгопечатания, поскольку использовалась для черно-белого оттиска буддийских текстов. Живопись светского содержания — *ямато-э* — вначале появилась в виде изображений на шелке и бумаге (пейзажи и сцены придворной жизни на ширмах, горизонтальные свитки — *эмакимоно*, которыми любовались, разворачивая их на столе, и вертикальные — *какэмоно*, которыми украшали стены парадных комнат). Эти предметы искусства ценились дорого и были доступны лишь зажиточной знати.

В XVII—XIX вв. (эпоха Эдо — древнее название Токио) художники начали изготавливать большое количество гравюр, доступных теперь каждому, что породило большой спрос. Кроме гравюр декоративного характера появились театральные афиши, книжные иллюстрации, праздничные гравюры — *суримоно*, где вместе с изображениями вписывались стихи с пожеланием

счастья. Основателем японской гравюры считается Хикисава Морунобу (ок. 1618 — ок. 1694). Его гравюры были монохромны и лишь слегка подцвечены от руки. В первой половине XIX века европейцы завезли в Японию анилиновые краски. Цветовая палитра гравюр обогатилась, изображения стали яркими и многоцветными, и создание их требовало сложной коллективной работы. Сегодня нам известны только имена тех, кто создал эскизы, далее изобразительная основа переходила в руки гравировщиков и печатников, которые достигали высот совершенства в своем деле. Для изготовления гравюр *укиё-э* требовалось вырезать от двух до восьми досок (иногда их число доходило до тридцати). Использовали древесину вишни, груши, японский самшит, чтобы силуэт был предельно четким. Нежность полутонов, чистота цветов и оттенков отпечатанных вручную оттисков, составлявшие гордость исполнителей, сегодня позволяют поставить *укиё-э* в один ряд с живописью *ямато-э* и декоративным искусством.

Утагава Куниеси. Второй год эпохи Мейдзи. 1868

Темы гравюр XIX века уже совсем другие: исторические сражения, прекрасные гейши, нежные пары, борцы сумо, пейзажи городских улиц и мостов, рабочий люд, уличные музыканты, сцены из спектаклей театра Кабуки. Это повествование о жизни повседневной, знакомой, но опоэтизированной созерцательным взглядом художника и приведенной его рукой в соответствие с канонами тончайшей японской эстетики. В гравюрах воплощалась близкая каждому японцу философия *дзен* — сочетание вечной Жизни и ее сиюминутной бренности, преходящего земного бытия и его нетленной, передающейся из века в век красоты. Так родилась самая молодая из школ японской гравюры, *укиё-э*, запечатлевшая «образы ускользающего мира», «быстротекущего мира наслаждений и скорби».

Вот «Девушка-гейша на фоне вида Эдо» (работа Куничика Тоёхара). Мастер, следующий традициям «певца женской красоты» Китагавы

Утамаро (1753—1806), изобразил белолицую японскую красавицу на фоне древнего города. А вот гравюра Утагавы Куниаки I (второй год эпохи Бункю, 1862 г.) — здесь тоже девушка-гейша на фоне Эдо заснеженного, — то же очарование, то же изящество: хрупкая нежная шея, поднимающаяся из плотных складок кимоно, венчается белым удлинённым личиком в обрамлении тяжелой смоляной прически. И, как на большинстве японских гравюр — символом вечного сочетания красоты всей страны с ее малой частью, отождествляя преходящую женскую красоту с Вечностью, — на заднем плане присутствует гора Фудзи.

Одним из первых японских художников, перенявших у нидерландцев изображения с нижней перспективой, стал Кацусика Хокусай (1760—1848). Его гравюры, созданные в первой половине XIX века (и потому на выставке не представленные), считаются вершинным вопло-

щением школы укиё-э. Ему принадлежит знаменитая серия «36 видов горы Фудзи», среди которых известнейшая «Красная Фудзи». Влияние нидерландцев, возможно, через творчество Хокусая, отразилось на гравюрах более позднего времени, представленных в экспозиции. Гравюра Кунисимы IV (первый год эпохи Мейдзи) «Мост Ритоку и виды Токио на задней плане» напомнила жанровые картины Питера Брейгеля. Лодки на воде, где не пропущен, кажется, ни единый изгиб волны, повозки, уличные музыканты, спешащие и прогуливающиеся горожане. Жизнь здесь и сейчас, очаровательная, опозитивированная дословностью, четкостью изображения мельчайших деталей одежды и цветовым многообразием, подробная и оттого такая хрупкая на фоне вечного движения волн. При взгляде на эту гравюру вспомнились строки европейского, жившего почти век спустя поэта Бориса Пастернака:

*Не знаю, решена ль
Загадка зги загробной,
Но жизнь, как тишина
Осенняя — подробно.*

Много ассоциаций, и не только личных, с мировой культурой может пробудить в человеке созерцание предмета искусства, который сохранил в себе и способность художника взгляды-

Утагава Куниаки I. Актёр театра кабуки. 1862

Неизвестный художник. Написано в эпоху мейдзи. Сцена из спектакля кабуки

Утагава Кунисада III (1850—1900). Сцена из спектакля театра кабуки

ваться в сущее, и любить его слегка ностальгической любовью к каждому пролетающему мгновению, и воплощать эту любовь в художественном произведении. Навечно останутся прекрасными три женщины, рассматривающие пойманную акулу (гравюра Кунисады III). Осторожно-уважительный наклон головы, восхищение грозным созданием природы. Очарование женщины, сила животного, победа ловца, все вместе — красота брэнного мира, объединенная с молчаливым присутствием священной горы Фудзи, запечатленная изысканно, с тщательно отобранной пластикой застывших на мгновение, но еще хранящих момент движения поз.

Эта способность «схватить движение на лету», свойственная японской гравюре, особенно уместна в изображениях актеров и сцен из спек-

таклей театра кабуки, который до сего дня сохранил черты, присущие театру древности. В его манере — четкая драматургическая фабула, жесткая определенность амплуа, от героя до злодея, характерные для каждого персонажа интонации и мимика, пластическая отобранность, фиксация главных, традиционных поз (как это близко театру античности!). Костюмы, позволяющие сразу отметить не только сословные различия, но и эмоциональное состояние героев, — все служило источником вдохновения для мастеров *укиё-э*. Они сохранили для нас отрывки из шедевров японского театрального искусства не хуже памятных фотографий.

Говорить о гравюре *укиё-э*, как и рассматривать ее, можно бесконечно. На выставке были представлены и другие предметы японского де-

коративного искусства, заслуживающие зрительского внимания. Японские куклы — сошедшие с гравюр японские красавицы. В наше время таких кукол в День девочек (как и маленьких самураев, в доподлинных воинских доспехах, в День мальчиков) японские семьи ставят возле домов, где есть дети. Их тщательно одевают в одежды, воспроизводящие в каждой детали сложный национальный наряд.

Почти повторяют мимику предков, изображенных когда-то на гравюре Кунисимы Утагавы, уличные музыканты, чьи фигурки встречают посетителя при входе на выставку. Здесь же два подробных макета известнейших японских храмов в Нарё и Киото.

Для всех, кто имел удовольствие посетить эту экспозицию, далекая Япония, которую не каждому посчастливится увидеть за отпущенное нам ускользящее время, приблизилась к зимней заснеженной Москве. Приблизилось не только иное пространство, но и канувшее, ушедшее навсегда время. Ибо изображения, оставленные резцом на деревянной доске, волнуют и требуют непременно отдать хотя бы часть собственного быстротечного бытия на любованье тем, что завтра одряхлеет, превратится в прах и исчезнет навсегда с лица Земли, оставаясь при этом нетленной частью бесконечного вселенского процесса воплощения жизни.

Макет храма Хорюдзи в Киото

*Портрет В. Ерошенко работы японского
художника Накамуры Цунэ. 1920*

Василий Ерошенко: «Я шел по планете, я брел по Востоку»

Даже через стремнины можно перейти по радуге Света. Но радуга бывает после бури. Так запомним высшие меры устремления. Никакое человеческое смятение, никакое поношение не засорит путь жертвы прекрасной.

Агни Йога. Братство, ч. 2, § 91

Минуло более полувека со дня ухода из жизни Василия Яковлевича Ерошенко (1890 — 1952) — человека уникальной судьбы, до обидного мало известного в России, на его родине. В начале октября 2002 года ушел в вечность Виктор Герасимович Першин — ученик и исследователь жизни и творчества Ерошенко, очень мудрый и мужественный человек. Он много лет готовил книгу о своем Учителе, хотел озаглавить ее — «Крещение огнем». Судьба подарила мне удивительную встречу с Виктором Герасимовичем, и разве могла я предположить, что ей суждено стать единственной? С разрешения Н.А. Першиной я использовала в этом материале фрагменты нашей беседы, а саму статью хочу посвятить *Светлой памяти учителя и его ученика.*

У него было много имен. В Японии его называли Эро-сан, в Китае — Айлосянькэ, или «господин Айло». Незрячие бирманские дети обращались к нему «кокоджи» — «старший брат», а изумленные чукчи прозвали его Какомэй, что означает — «чудо, диво».

Имя этого удивительного человека внесено в японские энциклопедии, отечественные журналы неоднократно представляли его читателям как «классика японской детской литературы». Но мало кто в России, на его Родине, знает это имя — Василий Яковлевич Ерошенко.

Причина тому — необычайная многогранность его устремлений и духовных интересов, долгие годы противоречивших провозглашаемым «единственно верными» официальным взглядам. В первые десятилетия XX века по многим странам прокатилась мощная волна надежд, стремлений, духовных поисков. Революции социальные — забастовки, стачки, государственные перевороты, войны — накладывались и неразрывно сливались с теми скрытыми процессами, которые современные исследователи называют

духовной революцией. На формирование мировоззрения Ерошенко оказали влияние его активное участие в эсперанто-движении, изучение морально-этического учения Л.Н. Толстого, трудов П. Кропоткина, бахаизма, буддизма, синтоизма, устной традиции стран Востока.

Причина забвения — неизбежно встающие перед исследователями языковые барьеры, которые Василий Ерошенко, казалось, так легко преодолевал при жизни. Ведь его произведения, неоднократно издававшиеся в 20-х годах прошлого века и переиздававшиеся позднее, написаны на эсперанто и на японском, переведены на китайский язык. А на его Родине до сих пор нет достаточно полного собрания его сохранившихся сказок и рассказов, нет адекватных переводов, свободных от многочисленных идеологических ограничений...

Причина забвения — неоднократная и почти полная гибель архивов писателя, а также сознательное их уничтожение после его смерти. Первая публикация о нем в Советском Союзе появилась спустя шесть лет после его ухода¹.

¹ Рогов В. Русский друг Лу Синя // Знамя, 1958, № 7. С. 212—216.

Василий Ерошенко родился 12 января 1890 года в слободе Обуховка Старооскольского уезда Курской губернии, на Белгородщине. Он стал музыкантом, путешественником, педагогом, исследователем уклада жизни и культуры многих народов. Знал, по разным сведениям, от десяти до семнадцати языков, европейских и восточных. Жил или бывал в Англии, Японии, Бирме, Таиланде, Индии, Китае, в Финляндии и на Дальнем Востоке, на Чукотке и в Средней Азии. Всю свою жизнь он был педагогом слепых и стал истинным наставником для многих людей в разных уголках земного шара. Он писал удивительно тонкие и глубоко философские рассказы и сказки на языке эсперанто и на японском. Его книги до сих пор переиздаются в Японии и Китае.

Он ушел 23 декабря 1952 года. «Жил, путешествовал, писал», — просил он выбить на могиле (к сожалению, его просьба так и остается не выполненной до сих пор). В трех словах заключена судьба, скорее похожая на легенду.

«Долгое время неизвестный миру, но более всего неизвестный в своем Отечестве, он шел как бы “путем зерна” — дабы, умерев, возродиться», — писал Владимир Лазарев². Время отдалило от нас людей, которые знали его и могли бы о нем рассказать, скрыло пеленой события и их истинные причины. Остались вопросы без ответов, предположения и недомолвки.

«Я — слепой. Ослеп в возрасте четырех лет. Со слезами и нареканиями оставил я мир красивых цветов, блистательного света солнца. К лучшему ли это случилось или к худшему — я еще не знаю. Ночь продолжается долго и будет продолжаться, пока я буду жив. Но проклинаю ли ее? Нет, конечно, нет», — писал Василий Ерошенко³.

Четырехлетний мальчик потерял зрение после тяжелой болезни. От природы он был наделен абсолютным слухом и приятным голосом, поэтому родители вначале обучают сына музыке дома, а в 1899 году, в возрасте девяти лет, Василий был принят в число воспитанников Московской школы-приюта для слепых детей.

Школа в Москве была заведением закрытого типа, изолированным от всего мира, и в течение десяти лет обучения детей не отпускали даже на каникулы. Позднее Василий напишет рассказ «Страничка из моей школьной жизни»⁴, в котором образно и ярко воскресит атмосферу этого учреждения. Учителя рассказывали незрячим детям о том, что среди существующих рас белая раса — высшая, а остальные — низшие и отста-

лые, а за «глупые» вопросы учеников наказывали. И конечно, детский вопрос о том, становимся ли мы, потемнев летом от загара, менее цивилизованными, был признан глупым...

Вероятно, еще в школе зародился интерес Василия к странам Востока. В своем рассказе он описывает посещение школы известным китайским дипломатом Ли Хунг-чаном (Ли Хун-Чжаном), прибывшим в Россию на коронацию Николая II. Сановник цинского двора пришел в школу в китайской национальной одежде и был настолько любезен, что позволил детям ощупать ее, свои руки и косичку на голове. Зная от учителей о различии рас и о том, что китайцы принадлежат к желтой расе, Василий и его товарищ пытались на ощупь обнаружить различия, а не найдя их, прямо заявили об этом учителю. Гость показался им куда более цивилизованным, воспитанным и вежливым, чем школьный сторож Иван, которого все не любили за грубость. Мальчики были наказаны лишением обеда и вынуждены были сказать, что поняли свое заблуждение. По требованию учителя они припомнили все плохое, что слышали о китайцах от своих учителей, и приписали все это господину Ли.

Но когда детям наконец разрешили поужинать, они горько плакали и уже сами не могли есть. «Теперь мы сами себя наказали и оставили без еды, потому что вели себя очень зло и несправедливо, наговорив невесть что на желтого господина Ли Хунг-чана», — поясняет Ерошенко. «А ночью мне приснился господин Ли Хунг-чан в своей странной юбочке со смешными косичками на голове. Но он был такой вежливый, и руки его были так приятны на ощупь...»⁵

Этот случай оставил глубочайшее впечатление в душе Ерошенко, возможно став первым импульсом его неустанного стремления на Восток. Несколько лет спустя, познакомившись с Сергеем Обручевым, редактором московского журнала «La Ondo de Esperanto» («Волна эсперанто»), сыном академика Владимира Обручева, известнейшего ученого, путешественника и писателя, автора книг «Плутония» и «Земля Санникова», Василий Яковлевич стал бывать у них дома. Слушая рассказы ученых, недавно вернувшихся из экспедиции по Китаю, Ерошенко однажды спросил: «А вы бы взяли туда с собой слепого?»⁶

О какой удивительной устремленности, силе духа и мужестве свидетельствует этот, казалось бы, незначительный эпизод! Это стремление завершилось искренней дружбой «слепого русско-

² Импульс Ерошенко / Авт.-сост. Лазарев В.Я., Першин В.Г. М., 1991. С. 7.

³ Ерошенко В.Я. Из автобиографии / Импульс Ерошенко. С. 16.

⁴ Ерошенко В.Я. Сторінка з мого шкільного життя / Квітка справедливості. К., 1969. С. 173 — 189.

⁵ Там же. С. 179.

⁶ Харьковский А.С. Человек, увидевший мир. Документальная повесть о В.Я. Ерошенко. М., 1978. С. 38.

го поэта Айлосяньке» и китайского литератора Лу Синя, новелла которого «Утиная комедия», посвященная Ерошенко, стала отправной точкой исследований жизненного пути замечательного писателя-символиста в Советском Союзе⁷.

Ерошенко знакомится с Анной Николаевной Шараповой, учительницей иностранных языков, неутомимой пропагандисткой международного языка эсперанто. Этот язык, созданный в 1887 году Людовиком Заменгофом, был очень популярен в начале прошлого века. Интересным сви-

В. Ерошенко перед отъездом в Таиланд.
Япония, 1916

детельством самого широкого распространения этого движения служат строки Николая Константиновича Рериха в путевом дневнике Центрально-Азиатской экспедиции, в которых упомянут монгольский эсперантист⁸.

Одним из первых эсперанто поддержал в своих статьях Лев Николаевич Толстой, которого привлекла удивительная легкость этого языка и реальная возможность единения людей поверх национальных, языковых и политических границ. Анна Шарапова переводила произведения Толстого на эсперанто, разделяла убеждения великого писателя и была инициатором открытия в Москве первой вегетарианской столовой. Позднее она преподавала в подмосковной школе-колони, организованной Л.М. Арманд на основе идеи теософии.

А.Н. Шарапова рассказала В.Я. Ерошенко о существовании в Норвуде, пригороде Лондона, Королевского колледжа и Академии музыки для незрячих. Выучив эсперанто на слух всего за два месяца, Василий самостоятельно, без поводыря, отправляется в Лондон через Варшаву, Берлин, Кельн, Брюссель, Кале. Шел 1912 год.

В Англии Ерошенко пробыл около полугода. Именно в столице огромной колониальной Британской империи у него появляется возможность соприкоснуться с Востоком. По некоторым сведениям, уже в Англии он начинает изучать священный язык буддийских текстов — пали⁹, а позднее, вернувшись в Россию, — учит японский язык.

Встреча с князем П. Кропоткиным, теоретиком анархизма, политическим эмигрантом, не прошла бесследно — за «неблагонадежность» Василий Яковлевич был исключен из колледжа. (Многие годы спустя, в 1927 году, история повторилась уже в Москве. Ерошенко уволили из Коммунистического университета трудящихся Востока, где он работал сначала лектором, а потом переводчиком и инструктором японской группы студентов, за «анархистские взгляды»¹⁰, — в те годы иметь собственное мнение и твердые убеждения было небезопасно. Но и позднее, когда начались массовые репрессии, он не побоялся дважды писать Сталину в защиту своих друзей — репрессированных эсперантистов.)

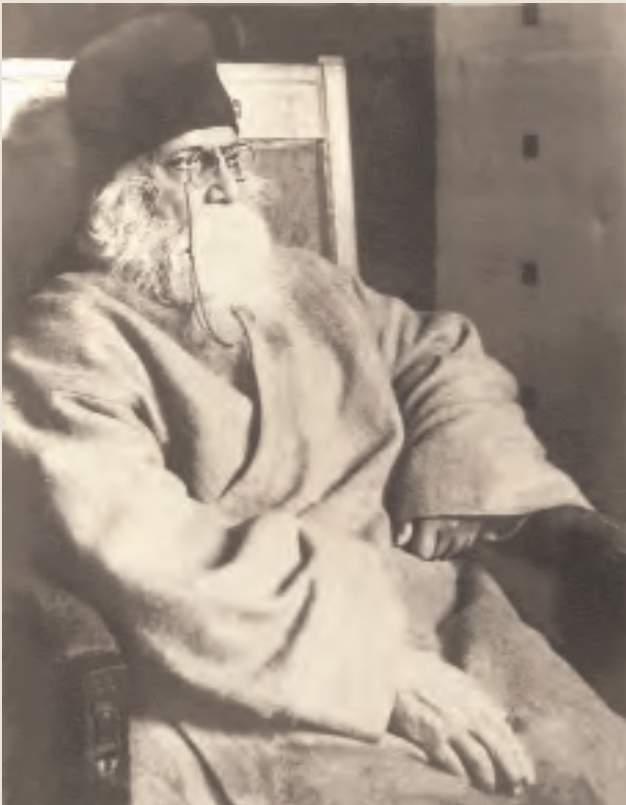
В 1914 году, за несколько месяцев до начала Первой мировой войны, Ерошенко приезжает в Токио. Немногочисленные исследователи до сих пор строят предположения о причинах столь далекого и необычного путешествия. Чаще всего

⁷ Лу Синь. Утиная комедия / Избранное. М., 1990. С. 167—170.

⁸ Рерих Н.К. Алтай— Гималаи. Рига, 1992. С. 293.

⁹ Харьковский А.С. Человек, увидевший мир. С. 47.

¹⁰ Перишин В. Вдоль и поперек реки времени / Импульс Ерошенко. С. 51.

Рабиндранат Тагор

встречается версия о том, что еще в Лондоне Ерошенко узнал об особом положении японских слепых — испокон веков их традиционными занятиями были медицина (восточный массаж) и музыка (игра на *кото* и *сямисене*). К музыкантам и врачевателям относились с большим уважением, и положение слепых в Японии было сравнительно обеспеченным. Можно предположить существование и других побудительных причин для этой поездки, лежащих в пространстве духовных исканий Василия Ерошенко.

Вскоре Василий Яковлевич был принят в Токийскую школу слепых массажистов студентом на особом положении. Кроме массажа Ерошенко изучал японский язык и медицину, философию, историю, психологию, японскую народную музыку. Курсы гуманитарных наук читали ему профессора Императорской академии, слушал он лекции и в Токийском университете. Вот что писал впоследствии Ерошенко в очерке «Слепые Запада и Востока», богатом интересными этнографическими подробностями: «Японский массаж <...> (харий), своеобразный метод лечения золотой или серебряной иглой (кю), лечение методом прижигания сделались исключительной монополией слепых. Старинная медицина Востока утверждала, что на человеческом теле есть 628 невидимых простым взглядом точек. Вводя золо-

тую иглу в тело сквозь эти точки или сжигая на них шарики, изготовленные из специальной травы, можно излечить <...> различные болезни мышц, желез и внутренних органов. Для определения положения этих таинственных точек на теле человека необходимы были сложные измерения и тонкое прикосновение, поэтому даже зрячий медик <...>, как правило, обращался к слепому специалисту, чтобы он отметил мелом нужные места»¹¹.

Ерошенко приобретает известность в прогрессивных кругах Токио, выступая с лекциями и концертами. Через полтора года после его приезда в страну в журналах появляются рассказы молодого писателя на японском языке. В январе 1916 года в журнале «Кибо» («Мечта») был напечатан «Рассказ бумажного фонарика», написанный автором по-японски после полутора лет пребывания в стране. Второй рассказ — «Дождь идет» был напечатан в журнале «Васэда бунгаку» («Литература университета Васэда»). Насколько нам известно, этот рассказ до сих пор не опубликован на русском языке, поскольку проникнут идеями бахаизма. В то время Ерошенко изучал веру бахаи, о чем свидетельствует выполненный им перевод с английского «Сокровенных слов» Бахауллы.

Имя Ерошенко становится все более известным, особенно после диспута 26-летнего Ерошенко с Рабиндранатом Тагором, выступавшим в 1916 году в Японии с лекциями. Темой дискуссии было сходство и различие буддизма и христианства. Василий Яковлевич возразил против тезиса Тагора о том, что христианство использует лишь рассудочное знание, завещанное греками, тогда как буддизм через подсознание приобретает верующего к духовному миру. «Молодой Ерошенко поразил маститого лектора глубоким знанием христианского вероучения, древних текстов буддизма и дзен-буддизма, изречений пророков ислама. Из воспоминаний японского писателя и друга Ерошенко Акито Удзюку известно, что Василий Яковлевич весьма аргументированно возражал утверждениям Тагора о бездуховности христианства в сравнении с восточными религиями. Тагор настолько заинтересовался доводами Ерошенко, что подошел к нему после окончания дискуссии, чтобы продолжить спор»¹².

Удивленный глубиной его знания вероучения и символики различных религий, Тагор счел, что Ерошенко — христианин и что в таком случае ему должен отвечать буддист. Каково же было изумление знаменитого философа, когда Василий Яковлевич назвался неверующим. Тагор

¹¹ Ерошенко В.Я. Слепі Заходу і Сходу / Квітка справедливості. С. 212—213.

¹² Импульс Ерошенко. С. 70.

попросил уточнить, что же в таком случае волнует его в этом споре. «Мне показалось, что вы, опираясь на буддизм и христианство, противопоставляете культуры Европы и Азии», — ответил Ерошенко. Он опроверг знаменитые строки Р. Киплинга о Востоке и Западе собственным примером: «Приехал я из России два года назад, сказки свои пишу по-японски, и товарищи называют меня японским поэтом»¹³.

Из письма В. Ерошенко к другу Тории Токудзиро в апреле 1916 года: «Не счастья я ищущу, не успехов желаю. Сейчас, когда все устраивается так счастливо для меня, я чаще, чем когда-либо, думаю о побеге, отрекаюсь от счастья, презираю благополучие, не дорожу успехами в Японии; достигнув успеха, я отказываюсь от него без всякого сожаления.

Так часто мне хотелось бы иметь императорскую корону лишь для того, чтобы, смеясь, бросить ее под ноги прохожим. Так часто хотелось бы мне быть в раю, в обществе бога и ангелов, лишь для того, чтобы отказаться от небесных наслаждений и присоединиться к страдальцам, пылающим в вечном огне. Ты не сможешь понять этих желаний, но я всегда так думал»¹⁴.

Вскоре он отправляется в Юго-Восточную Азию. Начинаются его путешествия по странам Востока: Таиланд (Сиам), Бирма, Индия... Ерошенко изучает языки, состояние образования и обучения слепых в этих странах, исследует обычаи, фольклор, записывает народные предания и легенды.

Организовать школу слепых в Таиланде ему не удалось из-за отсутствия средств и появления правительственного распоряжения, запрещающего какую-либо поддержку деятельности иностранцев. Свои незначительные сбережения он тратит на помощь местным слепым. Это породило легенды о сказочно добром европейце. До сих пор во многих статьях о Ерошенко упоминается легенда о том, что в Сиаме (Таиланде) Василию Ерошенко поставлен памятник. «И когда читаешь об этом, невольно думаешь, что если люди сначала придумали легенду, а потом поверили в нее, то незачем ездить и проверять — стоит памятник Василию Ерошенко или нет. И неважно, что у этого изваяния нет автора, и нет самого изваяния, памятник все равно стоит, потому что этого хотят многие люди. И стоять этому памятнику теперь вечно, потому что легенда делается из более прочного материала, чем бронза, гранит или мрамор», — писал Эдуард Пашнев¹⁵.

Портрет В. Ерошенко работы А. Кацмана. 1930

Ерошенко планирует побывать в Бирме и Индии, съездить на Яву, для чего собирается изучить малайский язык, посетить город Акку, а затем вернуться на родину.

В январе 1917 года Ерошенко приезжает в Бирму. Его прибытие в город Моулмейн стало настоящей сенсацией. Он путешествовал без поводыря и казался ясновидящим святым, в чем убеждало также знание им традиционной медицины, иглоукалывания, нескольких языков и священных текстов буддизма. С представителями колониальных властей он свободно говорил по-английски, с бирманцами — по-бирмански, с монахами — на языке пали. Ерошенко предлагают место директора школы слепых в Моулмейне. Отказавшись, он остается обычным учителем этой школы, собирая своих учеников по бирманским селениям. Он обучал музыке и искусству массажа, учил познавать мир. Ерошенко добился разрешения совершить вместе со своими незрячими учениками путешествие по стране, побывал в древних городах Бирмы — Пагане, Аве, Мандалае, Пегу.

Из письма В.Я. Ерошенко из Бирмы в Японию: «Сейчас я изучаю воистину прекрасные буддийские легенды. Это неисчерпаемый материал. Передо мной раскрылся совершенно но-

¹³ Харьковский А.С. Человек, увидевший мир. С. 76.

¹⁴ Из письма В. Ерошенко к Торие Токудзиро, 10.04. 1916 г. // Андрианова-Гордієнко Н.М. «Мені треба так багато бачити...» Невідомі листи Василя Ерошенка // «Україна», 1987. № 28. С. 17.

¹⁵ Пашнев Э. Солнце — его поводырь / «Собеседник». Воронеж, 1973. С. 36—37.

вый, доселе неведомый мне мир. В удивительных символах скрыт загадочный, мистический смысл. Есть множество прежних существований, есть будущие жизни, которые наступят после существующей сейчас...»¹⁶

Записанные им в монастырях бирманские сказания и легенды были впоследствии опубликованы в японском журнале для юношества «Сэннен Курабу».

Узнав о том, что в России произошла революция, Ерошенко в ноябре 1917 года пытается вернуться на родину через Индию. По свидетельству ученых, работавших в стране в те годы, в народе жила поистине религиозная вера в то, что именно русские принесут в Индию освобождение от колонизаторов. Поэтому неудивительно, что в Калькутте за ним следят, помещают под домашний арест как немецкого шпиона, все его письма вскрываются.

Из письма В.Я. Ерошенко в Японию Тории Токудзиро: «Калькутта, 27 ноября 1917 года. ...Познакомиться с индийцами почти невозможно. Индийские власти запрещают европейцам общаться с местными жителями. Однако я все же ищу такую возможность. <...> Те, кто хочет создавать свои империи путем подавления малых народов, очевидно, боятся такой же революции, как в России»¹⁷.

Разрешения на выезд от английских колониальных властей он не получает и вновь возвращается в Бирму в марте 1918 года, чтобы продолжить работу в школе слепых. В сентябре Василий Ерошенко снова уезжает в Калькутту. Если раньше он собирался вернуться в Россию через Индию, Афганистан и Среднюю Азию, то теперь он избирает другой маршрут — через Японию и Владивосток.

Ему вновь не разрешают выезд, его вновь ждет домашний арест, но самое удивительное, что ему все-таки удалось совершить путешествие по Индии (по одной из версий, это был побег из-под надзора). Он записывает и обрабатывает популярные легенды из цикла «Рассказы Веталы» (в японской транскрипции — Байтала), пишет оригинальные сказки, в которых дышит и живет вся многоликая Индия с красотой ее природы, глубинами социальных противоречий и высотами истинной духовности («Тесная клетка», «Кувшин мудрости»).

Он даже участвует в ловле жемчуга в Индийском океане. Спустя десятилетия на вопрос свое-

Василий Ерошенко в Токио, предположительно в мастерской японского художника Накамуры Цунэ. 1920

го ученика о том, как бы он поступил, если бы нашел большую жемчужину, Ерошенко ответил: «Я бы отдал ее индийским детям. В этой стране так много бедных детей...»¹⁸

Вскоре под надзором полиции его возвращают из Бомбея в Калькутту и высылают из страны как революционера на английском военном корабле, следующем в Японию. В Шанхае, переодевшись кули (грузчиком), он бежит и на грузовом судне тайно возвращается в Японию¹⁹.

Активно включившись в общественную жизнь Токио, Ерошенко принимает участие в работе литературного общества «Танэмаку хито» («Сеятель»), в издании одноименного журнала.

Осенью 1920 года портреты Василия Ерошенко одновременно пишут известный художник Накамура Цуне, которого называли «японским Ренуаром», и художник Цурута Горо. «Портрет господина Ерошенко» работы Накамура Цуне — самое известное его произведение, признанное лучшей работой маслом со времени распространения в Японии западной школы живописи²⁰.

«Волнистые льняные волосы до плеч, нежное, чуть женственное лицо, плотно закрытые глаза, светлая рубашка, широкий пояс с пряжкой, всегда чуть склоненная вправо голова — весь его облик, проникнутый каким-то артистическим достоинством, вызывает во мне невыразимо теплое чувство. Особенно прекрасен был его негромкий голос, выдававший в нем натуру страстную и мечтательную», — таким навсегда запомнил Ерошенко японский писатель Эгути Киёси (Кан)²¹.

После участия в первомайской демонстрации 1921 г. писатель был арестован. Полицейские да-

¹⁶ Ерошенко В.Я. Избранное. М., 1977. С. 231.

¹⁷ Музыкант, путешественник, поэт, педагог / Автор-составитель Б.И. Осыков. Белгород, 1989. С. 15.

¹⁸ Харьковский А.С. Человек, увидевший мир. С. 104.

¹⁹ Там же. С. 106—108.

²⁰ Ерошенко В.Я. Сердце орла. Белгород, 1964. С. 213.

²¹ Эгути Киёси. Чаша страданий / Ерошенко В.Я. Сердце орла. С. 167.

же разрывали ему веки, чтобы убедиться, что арестованный действительно слеп. По распоряжению министра внутренних дел Японии Ерошенко был выслан во Владивосток как человек, «оказывающий дурное влияние».

«...Где-то далеко, по ту сторону Японского моря, скитается сейчас слепой поэт, не перестававший мечтать об утопической свободной земле.

Где-то скитается в своих изорванных ботинках этот несчастный, на чьем теле еще не зажили синяки от сапог японских полицейских, еще не утихла острая пронизывающая боль», — писал потрясенный этой высылкой Эгути Киёси²².

В то время Владивосток находился в руках белогвардейцев, и Ерошенко грозил трибунал. Его попытка попасть на территорию Советской России не увенчалась успехом. Китай был единственной страной, принимавшей в годы войны на свою территорию без документов, поэтому Ерошенко пешком (поезда не ходили) идет в Харбин, позднее живет в Шанхае, преподает в Институте языков мира.

История высылки слепого писателя всколыхнула не только Японию, но и другие страны Востока. Именно тогда Лу Синь заинтересовался его судьбой и опубликовал в китайских газетах несколько переводов его сказок, чтобы, по его словам, «был услышан страдальческий крик гонимого»²³. «Ерошенко промелькнул, как звезда, и может быть, я скоро забыл бы о нем, но сегодня мне попала его книга “Песни предутренней зари”, и мне захотелось раскрыть сердце этого человека перед китайскими читателями», — писал Лу Синь, познакомившись с его произведениями.

Еще в Шанхае в 1922 году Ерошенко пишет на эсперанто цикл зарисовок «Рассказы увядшего листочка». Объединяет рассказы цикла образ старого дерева на площади китайского города. Думая о многовековых издевательствах над людьми и своих собственных правителей, и чужеземных захватчиков, автор в отчаянии восклицает: «О, что же случилось с этим народом, что же случилось с этой страной? Дух ли великий народа умер? Душа ли страны навсегда отлетела?»

«...Никто ему не ответил, никто и не знал ведь, умер ли великий дух народа, навсегда ль отлетела душа страны, и с той поры стоит оно (дерево) молча, уже ничего и не молвит, сказать ни словечка не хочет... Оно ничего уж не молвит, а почему — я не знаю», — пишет Василий Ерошенко²⁴.

Как созвучны эти строки мыслям Н.К. Рериха, высказанным в эти же годы:

«Бьется ли сердце Азии? Не заглушено ли оно песками?»

От Брампутры до Иртыша, и от Желтой реки до Каспия, от Мукдена до Аравии, всюду грозные беспощадные волны песков. Как апофеоз безжизненности, застыл жестокий Такла-Макан, омертвив серединную часть Азии... Конечности Азии бьются вместе с океанскими волнами в гигантской борьбе. Но живо ли сердце?»²⁵

Лу Синь назвал Василия Яковлевича «кристально честным мечтателем с большой душой»²⁶, — отчасти это было вызвано политическими соображениями, ведь сказки Ерошенко были под пристальным наблюдением цензуры, а во время Второй мировой войны издавать эти произведения в Японии было запрещено. «По мнению Хидео Яги, если бы сказки Ерошенко не оставались десятилетиями под запретом, то послевоенная японская литература началась бы с более высокой ступени», — отмечает Александр Харьковский²⁷.

В начале июля 1922 года Ерошенко как представитель китайских эсперантистов уехал в Хельсинки на XIV Международный конгресс и спустя полгода снова вернулся в Китай — доучивать студентов в Пекинском университете. Лишь во второй половине апреля 1923 года он возвращается на Родину.

Так закончились десять лет, проведенные им в странах Востока. Об этих годах мы знаем значительно больше, чем о последующих десятилетиях, прожитых в Советском Союзе.

В своем предисловии к книге Василия Ерошенко «Стон одинокой души», вышедшей в Токио в 1923 году, китайский литератор Ху Юйчжи писал: «В Японии и Китае Ерошенко сразу стал известным писателем, но в Европе мало кто слышал о нем. Мы надеемся, что <...> изящный талант слепого поэта станет так же хорошо известен на Западе, как и на Востоке»²⁸. Однако в силу различных причин этого не произошло до сих пор.

В июле 1923 года Василий Яковлевич едет в Нюрнберг на XV Международный конгресс эсперантистов, где на конкурсе получает первую премию за исполнение на эсперанто своего стихотворения «Предсказание цыганки». Ее вручал председатель жюри — Эдмон Прива, который

²² Эгути Киёси. Чаша страданий. С. 168.

²³ Цит. по: Белоусов Р.С. Мечтания скитальца / Ерошенко В.Я. Избранное. С. 27.

²⁴ Ерошенко В.Я. Избранное. С. 102.

²⁵ Рерих Н.К. Сердце Азии.

²⁶ Ерошенко В.Я. Избранное. С. 28.

²⁷ Харьковский А.С. Японский поэт Василий Ерошенко / Прометей. Т. 5. М., 1968. С. 79.

²⁸ Ху Юй-чжи. Друг угнетенных / Ерошенко В.Я. Избранное. С. 249—250.

В. Ерошенко и Лу Синь. Пекин. 1922

был другом Махатмы Ганди и позднее написал его биографию. Прива отметил, что премией награждается не только поэзия Ерошенко, но и вся его подвижническая жизнь.

По окончании конгресса Василий Яковлевич остается в Европе, путешествует, слушает лекции в Сорбонне и Геттингене, посещает Австрию и Венгрию. И снова — на Родину. Как уже упоминалось, в 1924—1927 годах Ерошенко работает в Коммунистическом университете народов Востока им. И. Сталина в Москве, переводит на японский язык труды Ленина и классиков марксизма.

В 1928—1929 годах Ерошенко живет на Чукотке. Он изучает чукотский язык, передвигается без провожатого, правит нартами. В нескольких источниках описан случай, когда Василий самостоятельно отправился на нартах в соседнее селение за семьдесят километров от базы и едва не погиб, застигнутый пургой. Но произошло почти невероятное: чукотские собаки вернулись по своим следам к нартам, разыскав под снегом своего ездока. Позднее Василий Яковлевич вспоми-

нал, что в эти часы ледяного плена он создал несколько лучших своих сказок. Результатом пребывания Ерошенко за Полярным кругом стали его чукотские рассказы — «Обреченный жить», «Чукотская элегия», «Чукотская идиллия», «Трехходовая шахматная задача».

По возвращении с Чукотки Ерошенко несколько лет преподает, работает корректором в Москве. Ему даже удается в 1932 году съездить в Париж на очередной конгресс эсперантистов. Но политическая обстановка в стране медленно, но неотвратимо меняется, и теперь эсперантистов называют пособниками мирового империализма и иностранными шпионами. Язык мирового общения становится очень опасным языком. Кроме того, знание многих языков послужило причиной того, что Ерошенко было предложено прослушивать разговоры сотрудников японского посольства, от чего Василий Яковлевич с негодованием отказался.

У него появляются проблемы с московской пропиской, «почему-то» сгорает архив, и Ерошенко по приглашению Наркомпроса Туркмении уезжает в Среднюю Азию и всеми силами содействует становлению и развитию образования незрячих. В Туркмении он прожил десять лет (1935—1945), создал и возглавил первую школу-интернат для слепых детей в Кушке, разработал брайлевскую азбуку туркменского языка.

И вновь, как в ранней молодости в далекой Бирме, Ерошенко лично собирает своих будущих воспитанников по аулам, и эти дети называют его «урус-ата» — русский отец, и поныне считают его своим духовным наставником, учителем жизни²⁹.

Во время войны «неблагонадежный» Ерошенко был снят с должности директора приграничного интерната, а вскоре отстранен и от преподавания. Созданная талантливым педагогом-новатором уникальная школа превратилась в обычный, ничем не выделяющийся интернат для слепых детей.

Василий Яковлевич снова вернулся в Москву. Он преподает брайлевскую грамоту, русский язык и литературу в Загорске. В 1948 году принимает участие в съезде слепых Узбекистана, на обратном пути побывав в Ашхабаде и Красноводске, путешествует по Каспию и Волге. Год спустя Василий Ерошенко работает в Ташкенте. В 1951 году едет в Якутию. Он мечтал вырастить овчарку-поводыря и пройти с ней через весь континент до Владивостока. Болезнь помешала осуществлению этих планов. Вскоре, теперь уже навсегда, он возвращается в Обуховку. Здесь и

²⁹ Поляковский А. Последние письма // Трезвость и культура, 1990. № 9. С. 64—67.

окончились земные пути этого неутомимого подвижника.

Хотелось бы еще раз привести слова Лу Синя о Ерошенко: «Когда я закрыл его книгу (“Песни предутренней зари”), то почувствовал благодарность человека к человеку, который, живя в нашем мире, не утратил непосредственного, чисто-го сердца»³⁰.

*Я зажег в своем сердце костер,
С ним и в бурю не будет темно.
Я в груди своей пламя простер,
И умру — не угаснет оно.*

*Лей, костер, ласку жизни и новь,
Вейся, пламя, бессмертно горя.
Мой костер — к людям мира любовь,
Пламя — вольного Завтра заря, —*

писал о себе Василий Яковлевич в стихотворении «Номарано»³¹ (в русском переводе — «Любовь к людям»), написанном в 1921 году в Шанхае. В этих словах заключена глубинная суть мировоззрения писателя. Последние строки этого стихотворения, где автор называет свои жизненные идеалы, в подстрочном переводе звучат так: «Имя огня — любовь к людям, имя огня — любовь к свободе».

Если представить себе все страдания, лишения и высокие прозрения, выпавшие на долю автора этих строк, то можно с уверенностью говорить о том, что человек, сохранивший в сердце неугасимый огонь любви, веру в справедливость и человечность, действительно обладал большой душой, но вовсе не был таким уж оторванным от жизни мечтателем, каким его изображали многие авторы.

В годы, когда официальным мериллом значимости того или иного явления было не влияние, оказываемое им на сердца и души людей, а безоговорочное соответствие всех проявлений человеческой жизни, и в первую очередь жизни духовной, идеологическим канонам, творчество Василия Ерошенко, основанное на духовной традиции Востока, идеях христианства, буддизма, бахаизма, впитавшее в себя моральные заветы Льва Толстого и идеи Людвига Заменгофа, не могло быть допущено к читателю. Это сделало практически невозможной публикацию большинства его произведений: до сих пор на русский и укра-

инский языки переведена лишь пятая часть им написанного в 20-е годы³².

Лу Синь писал о Ерошенко: «Я понял трагедию человека, который мечтает, чтобы люди любили друг друга, но не может осуществить свою мечту. И мне открылась его наивная, красивая и вместе с тем реальная мечта. Может быть, мечта эта — вуаль, скрывающая трагедию художника?»³³

Лу Синь писал о неосуществившейся *реальной мечте* этого необыкновенно светлого, высокодуховного человека. Но он не мог даже представить масштабов последующей трагедии для писателя и для нас, его читателей и исследователей. Дело в том, что все его уникальные архивы погибли. Один из архивов, как уже упоминалось, сгорел в Москве. Два шкафа книг Ерошенко оставил в Кушке, а когда приехал за ними, оказалось, что книг уже нет.

В последние месяцы жизни неизлечимо больной Ерошенко возвращается в родную Обуховку. «Постарайся мне сейчас поменьше мешать. Уж очень много нужно успеть сделать» — такими были его первые слова племяннице после приезда³⁴. Зная о своем скором уходе, он напряженно работает, пишет новые сказки и с особой бережностью упорядочивает свой последний архив, обширную переписку. Все, что осталось, все, что он смог собрать, этот неутомимый подвижник завещал Всероссийскому обществу слепых. За несколько дней до своего ухода Василий Яковлевич заканчивает объемную рукопись. «Эта книга — плоды моих долгих раздумий, итог моей жизни. Теперь я могу спокойно умереть», — сказал он племяннице и попросил отправить рукопись в Москву. К сожалению, эта объемная посылка, по имеющимся сведениям, тоже погибла.

Вскоре после ухода Ерошенко из жизни его архив, — по свидетельству родных, «весом более трех тонн», — был вывезен в Старый Оскол в местное отделение ВОС, которому он был завещан. Многие годы Василия Ерошенко считали в лучшем случае чудаком, в худшем — шпионом. Только в последнее время были опубликованы воспоминания соседей о том, как погиб этот архив: «...К дому Ерошенко подкатил грузовик. Какие-то люди, забравшись на чердак, начали сносить оттуда книги, рукописи, принадлежавшие В.Я. Ерошенко. На наши просьбы показать какие-то документы, разрешавшие бы эту погруз-

³⁰ Цит. по: Ерошенко В.Я. Сердце орла. С. 208.

³¹ Приблизительный перевод названия с языка эсперанто — «приверженец идеи единства всего человечества». Стихотворный перевод с эсперанто К. Гусева. См.: Ерошенко В.Я. Сердце орла. С. 208.

³² Киценко С. Возвращение на родину // Подъем, 1991, № 10. С. 166.

³³ Лу Синь. Реальная мечта / Ерошенко В.Я. Сердце орла. С. 177—179.

³⁴ Киценко С. Возвращение на родину // Подъем, 1991, № 10. С. 189.

ку, лишь грубо отвечали. Уехали они, лишь убедившись, что чердак пуст. <...> Потом еще долго по нашим обуховским огородам летали, как белые птицы, потерянные листы из книг и тетрадей... Прошло время, и до нас стали доходить слухи, что эта библиотека пропала... Одни говорили, что в здании Старооскольского районного отделения Всероссийского общества слепых, где хранилась библиотека, случился пожар. Все тогда сгорело дотла... Другие говорили, что был приказ: библиотеку Ерошенко уничтожить. Об этом говорили немногие, и только на ухо...»³⁵

Как писал Виктор Першин, в отличие от людей лишь у живого огня достало охоты и времени, хватило мужества и грамотности перелистать и прочесть все страницы рукописей до конца. Боже правый, «воздай им по делам их, по делам рук их воздай!..» И «если только можно, Авва Отче, чашу эту мимо пронеси»³⁶.

«...В холодные ночи, в осенние ночи, в бессонные, одинокие ночи, когда, спрятав лицо в подушку, я старался удержаться от рыданий, от жалобных вздохов о потерпевшем крушение корабле счастья, увядший листок возникал предо мной и начинал рассказывать свои истории, и, слушая его, я понемногу забывал о корабле счастья, который своими руками привел к гибели. И теперь я уже не сожалею о своем корабле, не плачу о нем; и если бы дело обернулось так, что все прошлое оказалось бы только сном, если бы, проснувшись, я увидел, что корабль цел, руль в моих руках и я могу направить судно по своей воле, я не изменил бы направления ни на йоту, не повернул бы руля, я снова пошел бы морем, в котором уже погиб мой корабль»³⁷, — писал Василий Ерошенко.

Ерошенко и «Страна Мечты». Ерошенко и «Страна Радуги». Так называются его сказки. Образ радужного моста, соединяющего реальный и идеальный миры, по которому уходит в заоблачную счастливую страну умершая от голода японская девочка Хинокко-Искорка, встречается в нескольких произведениях В. Ерошенко. «Радуга — это символ пути в небесные миры, входа или моста в райские земли. Радугой иногда окружается сияние будд или бодхисаттв, однако в иконографии Майтрейи радуга — непременный признак, позволяющий идентифицировать Бодхисаттву при отсутствии других признаков», — пишет А.Л. Баркова³⁸. Она же сообщила нам, что в устной традиции буддистов радуга — символ

Шамбалы. Р.С. Белоусов в одной из статей высказал предположение, что Ерошенко искал Беловодье — легендарную Шамбалу. «Возможно, тогда-то и родилась у него мысль обойти нашу планету в поисках земли обетованной, того самого Беловодья — страны-мечты, достичь которую пытались многие русские бедняки, уверовав, что где-то за тридевять земель существует расположенный на больших островах рай земной. Вера в такую страну-утопию издревле жила на Руси, воплощая в себе поэтическую мечту о вольной стране, где царит справедливость, побуждая отважных отправляться на ее поиски. Считалось, что легендарный остров Беловодье находится где-то на Востоке за “Опоньским царством” и “Китайским государством”.

Впрочем, возможно, в Лондоне ему довелось услышать рассказы и о Шамбале — будто существующей на Востоке сказочной стране, название которой переводится как “Белый Остров”. В сущности, это то же самое, что и Беловодье, и находится эта страна счастья где-то около Индии. Так уже в Лондоне родилась у Ерошенко мысль побывать на сказочном Востоке, дойти до “Страны Радуги” и “увидеть” землю, где цветет чудесный “Цветок Справедливости”, — так впоследствии назовет он две свои сказки»³⁹.

Об этом я и решила спросить при встрече Виктора Першина, сотрудника Института востоковедения. При нашей беседе присутствовала его жена, которая, очевидно, тоже впервые услышала то, что он мне ответил:

— Ерошенко мог слышать о Беловодье, потому что Беловодье было где-то на Востоке, а где, никто не знал наверняка. Вы знаете, детские впечатления ведь очень сильные... Нужно изучать Символы Веры, вот тогда можно понять. Он писал, конечно, об этом. Я по чему сужу, что он писал, — тоже по догадкам. А догадка такая: Ерошенко пишет в одном из писем, больной раком... Как вы думаете, чем он занимается, кроме того, что пишет «Африканскую сказку», и еще какую-то сказку, причем уже нет сил колоть эту бумагу, и он пишет Зинаиде Ивановне Шаминой: «Пришлите мне бумагу помягче», и одновременно сообщает такую вещь: «Я изучаю иврит». Спрашивается, зачем ему нужен был иврит? А затем, чтобы написать Символ Веры во всем объеме. Потому что санскрит он знал, значит, символ веры буддизма он знал, дзен-буддизм знал, синто знал...

³⁵ Киценко С. Возвращение на родину // Подъем, 1991. № 10. С. 185—186.

³⁶ Першин В.Г. Память цвета печали / Импульс Ерошенко. С. 76.

³⁷ Ерошенко В.Я. Рассказы увядшего листка / Ерошенко В.Я. Избранное. С. 100.

³⁸ Баркова А.Л. Буддийская живопись в собрании Международного Центра Рерихов / Рерих Ю.Н. Тибетская живопись. М., 2001. С. 135.

³⁹ Белоусов Р.С. По городам и странам — без поводыря / На суше и на море. М., 1985. С. 234—235.

Василий Ерошенко (в центре) среди китайских эсперантистов. Пекин, май 1922 г. Третий слева — Чжоу Цзо-жень (1885—1966), брат Лу Синя, писатель, в то время — профессор Пекинского университета, эсперантист; третий справа — Лу Синь (1881—1936, настоящее имя — Чжоу Шу-жень), великий китайский писатель, основоположник новой китайской литературы

— Пали изучал еще в Лондоне, — подхватываю я.

— И в Индии, он пишет, был у наставника-буддиста. Наставник его обучал всем буддийским премудростям, в том числе и Символу Веры. Но на этом он не успокоился. Почему я и говорю, что он следовал бусидо, «пути воина». Он в каникулы, кончился у него семестр, и как вы думаете, куда поехал? Он сначала поехал на юг Китая, он там в Пекинском университете читал русскую литературу и преподавал эсперанто в женском педагогическом колледже. А затем он поехал к Далай-ламе, в Тибет. И попал на прием к Далай-ламе, и беседовал с ним. И удивительно то, что Далай-лама беседовал с ним на русском языке! Хотя английский знали и Далай-лама, и Ерошенко.

— Откуда эта легенда? — спросила я у Виктора Герасимовича.

— Это не придумаешь... Там очень трудно идти по горным тропам, и он нашел себе проводника. И вот этот проводник довел его до тропинки, которая вела в столицу — Лхасу, и все, говорит, дальше не пойду, меня не пустят. А он пошел. Причем тропинка такая, что слева пропасть.

И вот он палкой по этому краешку вел, и то ли о куст споткнулся, то ли еще что, но только палка у него упала туда, в пропасть. И он тогда сломал этот куст, очистил его, и уже с этой веточкой шел дальше. Пришел, и его остановил монах: «Куда идешь?» Ерошенко ему объяснил, что он идет к Далай-ламе. И так как он был слепой, человек безобидный в сравнении с другими, и языки знал, его привели к Далай-ламе. И Далай-лама дал распоряжение, после того как они побеседовали, ознакомить его со всеми достопримечательностями, монастырями Лхасы.

— Виктор Герасимович, откуда эта информация?

— От самого Ерошенко.

— Значит, он знал о Беловодье и о Шамбале?

— Абсолютно точно знал. Я и говорю, Символы Веры — вот где ключ к философии Ерошенко...

Пишущие о Василии Яковлевиче Ерошенко часто называют его человеком-легендой. Как мудро заметил Николай Рерих, о «малом и незначительном человечестве не слагает легенд»...